

М. М. Манжетный

**ВОСПОМИНАНИЯ
РУССКОГО ПОЛКОВНИКА
КИТАЙСКОЙ АРМИИ**

КУЧКОВО ПОЛЕ

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ВОЕВОДА»**

Москва
2019

УДК 93
ББК 63.3
М23

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации государственной программы
Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Манжетный, Михаил Михайлович

М23 Воспоминания русского полковника китайской армии / Предисл. А. Н. Кравцова. — М.: Кучково поле; Издательский центр «Воевода», 2019. — 416 с.; 8 л. ил. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0985-6 (ООО «Кучково поле»)

ISBN 978-5-9907252-9-4 (ООО «Издательский центр «Воевода»)

Мемуары полковника М. М. Манжетного охватывают первые три десятилетия XX в.: служба в кавалерии, отдельном корпусе жандармов, участие в Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. Позже он оказался в Китае, где был вынужден служить у различных китайских милитаристов, которые активно формировали в те годы русские отряды. Мемуары Манжетного уникальны, поскольку, с одной стороны, описывают малоизвестные станицы Гражданской войны в Сибири, а с другой дают информацию из первых рук о жизни русского военного эмигранта в Китае.

Книга рассчитана на специалистов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей России начала XX в. и русской эмиграцией.

УДК 93
ББК 63.3

© Кравцов А. Н., вступ. ст., 2019

© Кравцов А. Н., Залесский К. А.,
комментарии, указатель, 2019

© ООО «Кучково поле», 2019

© ООО «Издательский центр
«Воевода», 2019

ISBN 978-5-9950-0985-6

ISBN 978-5-9907252-9-4

Вместо предисловия

В марте 2010 г. я находился в Австралии в связи с работой над рукописью книги «Русская Австралия» (2011). Время от времени помимо работы за столом, в библиотеках и архивах мне удавалось встречаться с разными людьми — русскими эмигрантами в Австралии и их потомками. Встречи эти, как правило, сопровождались традиционным русским чаепитием и застольем, душевными разговорами и, конечно, воспоминаниями. Семейные фотографии, привезенные с собой домашние иконы, письма, открытки, книги — все это уносило в годы, давно минувшие. Но в то же время прокладывало нить между прошлым, подчас трудным и трагичным, к современности, спокойной и непринужденной. Спокойной потому, что Австралия — благополучная страна, и, конечно, из-за того, что наступили годы заслуженного отдыха. Да и сама атмосфера посещаемых мной домов и гостеприимство их хозяев так напоминали мне наше русское гостеприимство.

В один из таких дней я поехал на поезде из Сиднея в Оримба (Oorimbah) — небольшой поселок с населением около четырех тысяч человек. Место это находится на Центральном побережье штата Новый Южный Уэльс в 78 км севернее Сиднея. Несмотря на столь явную близость к мегаполису, добираться туда пришлось в течение трех часов с двумя пересадками. Оримба появился на карте Австралии в конце XIX в.

и переводится с аборигенского как «пояс мужественности (возмужалости)».

Как раз в этом городке проживали Юлия и Виктор Манжетные, невестка и сын прославленного полковника Императорской армии Михаила Михайловича Манжетного. Двигаясь неспешным шагом от станции к Бернс-роуд, я наслаждался видами лесных массивов по обеим сторонам железной дороги рядом с оживленной трассой Сидней — Ньюкастл. Несмотря на март и в общем-то уже начавшуюся австралийскую осень, солнце к обеду начинало припекать. Так что через полчаса прогулки мне захотелось спрятаться в тень. Чуть в сторону от автомагистралей шли одноэтажные коттеджи, в одном из которых меня ждала встреча с Юлией Манжетной. И, разумеется, долгожданная прохлада. Милая беседа. Приятные впечатления.

После двухчасового разговора в уютной комнате с иконами в углу, когда Юлия рассказала о себе, о муже Викторе, об их детях Михаиле и Вере, о многочисленных внуках, она все же сходила за некогда принадлежавшими Михаилу Михайловичу предметами, чтобы хоть в малой степени я смог ощутить его присутствие в этом доме. Правда, здесь он сам никогда не бывал, ведь раньше они все вместе жили в другом доме в сиднейском районе Бэнкстаун (Bankstown), где Михаил Михайлович и скончался в 1958 г. Юлия вспоминает его добрым словом и говорит, что никогда не слышала от него крика или грубости. Он всегда оставался внимательным и учтивым с ней. Полный офицерского благородства, что заметно по сохранившимся семейным фотографиям.

— Но вы его расспрашивали о его службе в России, в Китае? Может, он что-то сам рассказывал? — интересуюсь я у нее.

— Нет, что вы. Я была такой молодой, знаете, совсем юной девчонкой. Мне было не до этого, я совсем не думала интересоваться войной, революцией, чем-то таким.

К сожалению, его супруга рано умерла и ему было очень тяжело жить одному. Но он никоим образом не высказывал этого.

Из соседней комнаты Юлия принесла мне книги Михаила Михайловича — «Краткая история Забайкальского казачьего войска» С. Софронова, «Офицеры» А. Деникина, серебряный портсигар с дарственной надписью от сослуживцев М. Манжетному, четыре небольших тетрадки его мемуаров, исписанных убористым уверенным почерком, датированные 1930-ми гг. С любопытством я рассматривал эти вещи, когда-то принадлежавшие русскому патриоту, монархисту, бесстрашному и бескомпромиссному человеку. Почему его мемуары столько лет пролежали без движения, оставаясь в кругу семьи, и никто не пытался их опубликовать? Ведь уже по нескольким прочитанным мной страницам было видно, сколь неординарно интересно описывает он и свое участие в Сибирском Ледяном походе, и свою службу у китайских тупанов, и любимое занятие — охоту, которым он в полной мере смог насладиться в богатых дичью лесах Урала и Приуралья, где ему довелось проходить службу непосредственно перед октябрьской катастрофой.

Тем временем Юлия Манжетная (урожденная Дмитриева) рассказывает о том, как они познакомились с Виктором, ее будущим мужем.

— Знаете, мой двоюродный брат пригласил меня на свой день рождения. Хотя мы с Виктором прибыли в Австралию одновременно, более того, на одном пароходе из Шанхая, и даже в нашем временном пристанище, Тубабао, мы находились одновременно, тем не менее именно на этом вечере в Сиднее мы впервые увидели друг друга, когда мой брат Алексей познакомил нас. И я тут же влюбилась в Виктора. Потом, правда, были свидания, походы на концерты, прогулки... Но вот однажды, когда мы были на выступлении извест-

ного джазового исполнителя из Америки Луи Армстронга, именно после этого концерта Виктор сделал мне предложение.

Стоит упомянуть, что Виктор всегда хотел стать пилотом самолета и, уже находясь в Австралии, подал заявление о поступлении в австралийскую армию. Правда, стоило это ему немалых усилий. Ведь еще в Китае 18 лет от роду он думал вернуться в СССР, но по пути в посольство, к сожалению или счастью, потерял свои документы. Затем повстречал русского офицера и решил все-таки вернуться обратно, потому как тот отговорил его от возвращения в Советский Союз. Пройдя чуть ли не пол-Китая пешком, в итоге он оказался в Шанхае и позднее был отправлен в Австралию, где ему пришлось заново пройти краткосрочную учебу и сдать экзамены на аттестат зрелости. Благо он владел кроме родного русского еще английским и китайским языками, потому это не составило для него большого труда.

В январе 1958 г. Виктор и Юлия поженились, а через два месяца Виктору пришло письмо из австралийской армии с одобрением его заявления о зачислении в авиацию и требованием явиться на сборный пункт для отправки в местечко Вагга-Вагга в учебный лагерь для подготовки к службе в армии. Несмотря на то что его отец Михаил Михайлович сам отдал столько лет своей жизни служению родине, он страстно вмешался в жизнь сына и отговорил его от этой поездки, указав сыну на молодую супругу — «ты только что обвенчался и уже обрекаешь свою молодую жену на незаслуженные страдания?» Из текста воспоминаний М. Манжетного очень хорошо видно, как страдал он сам, чуть было не разлучившись со своей супругой из-за Гражданской войны. Как стремился вывезти ее и детей всяческими путями из Советской России в Китай, куда ему удалось уйти с Белыми войсками. Как любил и жертвовал...

Показав фотографии из семейного альбома и разрешив переснять некоторые из них на память, Юлия вспоминала их жизнь, как они трудились и отдыхали, куда ездили, с кем встречались, как строили семейную жизнь и растили детей. Вспоминала и о работе Виктора, который, не став пилотом авиации, выучился на специалиста по финансам и кредитам. Сам Виктор Михайлович, к сожалению, не мог рассказать ни о себе, ни об отце ввиду тяжелой болезни, приковавшей его к постели много лет назад. Из-за необходимости постоянного медицинского ухода он уже находился в доме престарелых при Обществе им. Св. Сергия Радонежского в Сиднее. Юлия дважды в неделю ездила к нему. Но, увы, из-за инсульта он никого не узнавал. Даже ее, свою любимую супругу.

Уже когда я вернулся в Москву, в 2010 г. из Австралии пришло трагическое известие о кончине Виктора Михайловича. Похоронен он рядом с отцом, в русской секции сиднейского кладбища Руквуд (Rookwood).

Но перед этим я связался из Москвы с Юлией и попросил передать тетради воспоминаний М. Манжетного сюда в Россию с целью их публикации, на что она с готовностью согласилась. Пользуясь случаем, хотел бы еще раз поблагодарить ее за эту возможность! Путь рукописи в Москву из Сиднея был непростым, о чем также следует сказать. В чем-то он символичен. Мой знакомый, живущий в Голубых горах (Blue Mountains) к западу от Сиднея, по моей просьбе заехал к знакомой Юлии в Сидней, у которой она оставила тетрадки. Затем он их выслал в Мельбурн другим моим друзьям, которые собирались в отпуск в Европу и Россию. С ними мемуары Манжетного проследовали по маршруту Мельбурн — Сингапур — Дубай — Лондон — Рига — Москва. И наконец в июле 2010 г. оказались у меня.

К сожалению, понадобилось еще несколько лет, чтобы идея их публикации получила воплощение.

В настоящее время издается много мемуаров по Гражданской войне. Но воспоминания М. М. Манжетного интересны именно тем, что их автор — военный, который в обычных условиях никогда бы не подумал о написании мемуаров. Об этом упоминает и сам Манжетный, приводя в пример генерала Г. Гончаренко, получившего литературную известность как Юрий Галич. Такая самоидентификация, анализ и предвзятость, которыми пронизаны мемуары Манжетного, помогают понять душу влюбленного в свой край человека, которого вынудили изменить судьбу и жить на чужбине. Его мемуары были написаны в часы одиночества в 1930-е гг. в Маньчжурии. Отсутствие общения с русскими семьями, удаленность от близких, вдовство — результат написания этой книги. Очень интересны его заметки о китайской армии в междоусобной гражданской войне конца 1920-х гг. Тема эта малоисследованна, но интересна специалистам.

И ныне, когда мне удалось наконец-то прочесть мемуары М. Манжетного, осознать, как долго они шли к российскому читателю, хочется отметить, что это не просто воспоминания одного из участников Гражданской войны, не просто военнослужащего Русской императорской армии. Это прежде всего свидетельство жизненной трагедии и судьбы, через которую прошли многие, оказавшиеся по ту сторону сопротивления — наши деды, отцы, братья. Пусть данная публикация станет воспоминанием о них и их подвиге. Ведь, пожалуй, самое главное то, что и они по-своему любили нашу общую родину, Россию, по-своему видели ее будущее и по-своему сражались за нее, не щадя живота своего. Вечная им память!

*Андрей Кравцов,
Москва — Сидней, 2014 г.*

Воспоминания русского полковника китайской армии

Дорогой Мишонок!

Оставляю тебе эти три книжки, написанные мной в долгие вечера полного одиночества. В них нет прикрас, свойственных обычным литературным произведениям для того, чтоб заинтересовать читателя. Нет, это ряд отдельных эпизодов и целые эпопеи из моей жизни. Прочтя их, увидишь, что твой отец всю жизнь шел по прямой линии, был честным и верующим. Как все люди, он делал ошибки, но Господь всегда помнил своего верующего раба и не оставлял своими милостями. Отсюда увидишь, как свято я ценю память дорогой Мамочки, ушедшей от нас в лучший мир. Будь честным и верующим. Не ищи кривых путей — они заведут в бездну. Помни, что кратчайший путь — прямой. Неослабная вера в Господа поможет тебе во все трудные минуты жизни.

Папа,
18/II (нов. ст.) — 1932 г.,
Тичен, Шанси

КНИГА 1

Автобиография

I

Родился я 24 августа 1887 г.* в гор. Кельцы** (Царства Польского). Отец¹ мой служил в 28-м Полоцком пехотном полку, где командовал батальоном. Из воспоминаний о Польше у меня сохранилось в памяти кое-что, хотя меня семилетним мальчиком увезли. Так, отлично помню пехотный лагерь около гор. Конска***, где у отца был дощатый домик-палатка для жизни в лагерное время. Помню деревню Русский Брод, где дядя Болеслав (брат матери) жил, будучи лесничим у князя Четвертынского****. К деревне примыкал прекрасный бор, находившийся в ведении дяди. Там играли в войну с двоюродными братьями и сестрами. У деревни была водяная мельница и, понятно, пруд, где мы летом ежедневно по несколько раз в день купались.

* Даты приводятся по старому стилю. 24 августа соответствует 6 сентября 1887 г. по новому. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

** Кельцы — административный центр Келецкой губернии Российской империи; ныне Кельце (*Kielce*), центр Свентокшиского воеводства Польши.

*** Конск — уездный город Радомской губернии, в 50 км севернее уже упоминавшихся Кельцев. Ныне Коньске (*Końskie*), центр повята Свентокшиского воеводства Польши.

**** Имеются в виду князья Святополк-Четвертинские.

Не забывается курьезный эпизод с арбузом. Однажды ранней осенью мать² с теткой и, кажется, бабушка поехали в Ченстохов* и оттуда привезли огромный арбуз. Т[ак] к[ак] арбузы в Польше сравнительная редкость, то на семейном совете было решено спрятать его до какого-то праздника. Как сейчас помню, положили его на шкаф. Несколько дней этот арбуз был предметом наших вожелдений. Наконец подошел какой-то праздник, и нам было объявлено, что сегодня после обеда будет арбуз, а кто будет шалить, тот не получит. Наконец настал долгожданный час. Мы за столом. Кое-как едим суп и второе. Время тянется неимоверно долго. Но вот арбуз на столе. Тетка, как хозяйка дома, вооружившись ножом, торжественно приступает к операции над арбузом, и вдруг... оттуда со свистом вырывается розовая пена. Мы маленькие думали, что так и нужно, но растерянный вид старших пояснил нам, что тут что-то не так. Оказалось, что арбуз был слишком спелый, а его продержали еще в жаркой комнате несколько дней. Поэтому он прокис. Горю нашему не было границ. В виде компенсации мы получили по несколько копеек и побежали покупать конфеты в лавчонку к жиду. Вскоре наше горе было забыто, и жизнь снова вошла в рамки. Однажды отец сообщил, что он переведен в Россию. Сборов не помню, но в памяти сохранился переезд на пароходе по р[еке] Оке. Мы прибыли в гор. Темников Тамбовской губернии**, куда отец был назначен в качестве воинского начальника³. Там мы сняли квартиру в доме бывшего исправника Чарыкова. Это было в 1894 г. Был у меня младший брат Борис⁴, лет на 5 моложе. С нами прибыла из Польши его кормилица Людвика. Мне было уже семь с лишним лет, когда меня

* Ченстохов — уездный город Петроковской губернии; ныне Ченстохова (*Częstochowa*), центр повята Силезского воеводства Польши.

** Темников — уездный город Тамбовской губернии, ныне — районный центр Республики Мордовия.

отдали в учение к учительнице Авдотии Павловне Смирновой, старой деве-институтке. К ней я ежедневно ходил на занятия. Приходилось идти мимо собора. Однажды возвращаюсь и вижу, что в неурочное время масса народа идет в собор. Конечно, завернул и я. Началась служба. Потом священник что-то стал читать, и все повторяли, держа правые руки вверх. Поднял руку и я, но ничего понять не мог, а спросить было стыдно. Дома мне мать сказала, что умер император Александр III*, а священник приводил народ к присяге. Оказалось, что и я присягнул на верность новому императору, чем ужасно гордился. Между прочим, за опоздание с уроков мне влетело. Мать, зная мою шаловливость, стала, естественно, беспокоиться, что меня нет в обычное время. В результате отшлепала полотенцем (обычное орудие наказания), зная, что совсем не больно, но больно она и не могла сделать. Узнав, что я был в церкви, она простила, хоть и уже после казни. Тут я еще больше возгордился, как невинно наказанный, конечно, потребовал компенсацию. Вероятно, получил, — родители нас очень любили и баловали.

С Темниковым у меня связаны лучшие воспоминания. Сам по себе городок неважный. Всего шесть-семь тысяч жителей; от железной дороги отстоит в 65 верстах⁵, но окрестности прекрасные. Город стоит на небольшой речке Мокше. В трех верстах имение Ушаковых (потомков известного адмирала Ушакова). В версте от них мужской Санаксарский монастырь⁶ в дивном сосновом бору. С другой стороны тоже в бору женский монастырь⁷. Летом родители часто ездили компанией в эти монастыри, брали, конечно, и нас. Первый помню, т[ак] к[ак] после беготни по лесу отпивались крепким монастырским квасом, а второй остался в памяти, монашки нас угощали удивительным душистым вареньем.

* Император Александр III скончался 20 октября (1 ноября) 1894 г.

Ранней весной 1895 г. мы с отцом поехали в Одессу, где умер его старший брат Александр⁸, командовавший там артиллерийской бригадой. У нас еще было холодно, и мы до железнодорожной станции Торбеево* ехали в возке. Отец, как сейчас помню, был в николаевской шинели, а я в полушубочке, валенках и меховой шапке. Приехали в Одессу, а там тепло. На вокзале нас встретила мать в весеннем костюме. Мы же среди публики выглядели эскимосами в своих теплых шубах. Сели мы в коляску умершего дяди и сразу, не заезжая домой, поехали в магазин, где меня переодели по сезону. Вскоре мы с отцом уехали обратно, а мать осталась еще для окончания ликвидации вещей умершего, мой отец являлся его наследником. Недолго после нас возвратилась мать и пришло кое-что из вещей, которые не хотели продавать, как то библиотека и различные безделушки с письменного стола. Стали затаскивать ящики и раскупоривать. Мне, конечно, интересно. Вот появляется огромная пеньковая трубка, дальше какая-то статуэтка, а там смотрю, денщик вынул какую-то огромную медаль коричневого цвета, ну настоящий шоколад. Я его спросил, не шоколадка ли это? Денщик ответил утвердительно и дал ее мне. Я же, не учтя ее тяжести, введенный в заблуждение цветом шоколада, без долгих размышлений отправил ее в рот, а она и прилипла к языку, на дворе мороз был порядочный, и она промерзла. Я кричать. Поднялась суматоха. Медаль-то отодрать не могут. Наконец кое-как ее отогрели теплой водой, и та оттаяла, но оттаяла вместе с кожей языка. Я весь в крови. Опять суматоха. Отец было собрался меня пороть, но увидев, что я и так достаточно наказан, ограничился репликой: «Ну и осел же ты, батенька!» «Батенька» — была его обычная присказка.

* *Торбеево* — станция в 75 км южнее Темникова, ныне — рабочий поселок, районный центр Республики Мордовия.

В 1897 г. меня повезли в Саратов для определения в школу. Там в то время жили родные: сестра матери Юлия Осиповна⁹ с мужем, который там служил в пехотном полку. Сначала меня определили в немецкую школу, но когда сын Юлии Осиповны, мой двоюродный брат Вацлав, поступил в реальное училище, то я, естественно, поднял протест, и меня устроили также в реальное вместе с ним, в приготовительный класс.

Я остался жить у Жеймо (фамилия родственников). В Темникове я брал уроки на рояле, и в Саратове мать решила продолжить мое музыкальное образование. Стал я еженедельно два раза после занятий в училище посещать музыкальные классы (впоследствии преобразованные в консерваторию¹⁰). Очень это тяжелое было для меня время. Теперь, по прошествии 35 лет это время вспоминаю как нечто ужасное. Мы жили от реального [училища] в расстоянии 30 минут хода. В таком же расстоянии, примерно под прямым углом, были музыкальные классы. Словом, два раза в неделю я возвращался около пяти часов дня. Пообедав, садился за уроки, а потом за рояль. В субботу и воскресенье — обязательное посещение училищной церкви. Утомлялся я, конечно, очень, но этому никто не придавал значения, я был мальчиком крепким. Характера я был очень живого и, конечно, со склонностью к шалостям, но времени для шалостей не было совершенно, а так хотелось побегать около дома со сверстниками! Тем более что брат Ватик¹¹ как католик от посещения церкви был освобожден и музыке не обучался. Мне было завидно, глядя на него, как он по окончании уроков играл с мальчиками, а я должен был наигрывать ненавистные гаммы. И это продолжалось не больше и не меньше как четыре года. Понятно, что я всячески, в конце концов, старался выкроить время для игры. Не дают возможности играть дома — буду на стороне. В результате иногда вместо посещения музыкальных классов я отправлялся с товарищами на при-

стань, и мы там, на свободе предавались веселью. Иногда удавалось удрать из церкви, и час-полтора был в нашем распоряжении. Конечно, мне в этих экспедициях сопутствовали приятели из той сферы, которая научить ничему хорошему не могла. Это были дети мещан, распушенные, невоспитанные, по-саратовски так называемые галахи*. Они научили меня таскать из мешков воблу, арбузы на пристанях и т. д.

Однажды мы забрались в помещение сельскохозяйственной выставки и чуть было не попались, а то всех бы выгнали без права поступления в саратовские учебные заведения. Несколько раз я попадался дома в этих удираниях, за что дядя меня порол ремнем, но это плохо помогало. Старшие совершенно не желали обращать внимание на то, что девяти-десятилетнему мальчику нужно давать отдых, в противном случае он возненавидит и учение, и религию, и своих воспитателей. Так оно и было. Результат этой системы чуть не погубил меня окончательно, в конце концов я возненавидел книги и предпочитал быть выпоротым, чем сидеть час над решением какой-нибудь задачи, после чего еще должен был час бубнить на рояле. Дополз до второго класса, где и остался на второй год. Тогда мать решила переехать в Саратов сама. Сняли хорошую квартиру, наняли мне репетитора, и я все равно еле полз. Во мне было убито желание заниматься. Правда, я был с ленцой, но матери было внушено Жеймами, что я никуда не годный элемент, которого не может исправить даже порка.

Не хотели взглянуть в душу ребенку. Не хотели считаться с его силами. Решили просто: парень крепкий, значит выдержит. Эта система, безусловно, погубила бы меня, если бы не случай. Год прожила мать в Саратове и вернулась к отцу, а я снова поселился у Жеймо. По окончании третьего класса, который я окончил с двумя пере-

экзаменами, должен был ехать в город Богучар Воронежской губернии*, куда отец был переведен с производством в полковники. Получили от матери телеграмму из Воронежа, куда она меня просит приехать, чтоб потом вместе ехать в Богучар. Указала адрес — гостиница «Франция»¹².

II

Приезжаю. Вхожу в гостиницу. Вижу, сидят мать, несколько штатских и мой брат Борис в форме кадета. Поздоровался, мне предложили тут же выпить шампанского (между прочим, осталось в памяти, что вино было очень теплое) за здоровье нового кадета Бориса. Я с места же разреvelся. Я, всю жизнь мечтающий быть военным, учусь в какой-то «реалке», а Борис — кадет. Помню, стали знакомые уговаривать меня отдать в корпус. Мать согласилась, но требовалось выдержать конкурсный экзамен в четвертый класс, а это было не совсем просто, желающих много, а вакансий очень мало. Тут же она предложила мне заниматься летом, чтоб осенью держать экзамен. В случае провала я должен ехать опять в Саратов. Я согласился с радостью. Думаю, что если бы предложили мне за лето подготовиться в пятый класс, то я бы и на это пошел. До чего мне осточертел Саратов, реальное училище и музыкальные классы. Все лето я усиленно занимался и осенью блестяще выдержал экзамен и был принят в четвертый класс Михайловского кадетского корпуса¹³. Сразу же сказалась перемена обстановки в здоровую сторону. При 12-балльной системе я учился на 9 ½, что считается хорошо. Не нужно было никаких репетиторов. Страх в случае неуспеха попасть снова в Саратов заставлял заниматься добросовестно. Много этому, конечно,

* *Галах* (южнорус.) — босяк, каторжник.

* *Богучар* — уездный город Воронежской губернии, ныне районный центр Воронежской области.

способствовала сама постановка дела. У нас были часы для занятий, было свободное время для собственных занятий, которое я уделял географии и рисованию. К этому времени у меня определились способности к живописи, и я стал довольно удачно копировать картинку масляными красками. Поступление в корпус сопряжено в первое время для новичка с некоторыми неприятностями. Чтоб испытать нового, что он из себя представляет, исстари выработан способ общий для всех корпусов — подходит кто-нибудь из кадет и дает хорошую оплеуху. И вот судьба «испытываемого» зависит от того, как он себя поведет. Проявит неустрашимость и ответит обидчику тем же, хоть в дальнейшем может быть основательно поколочен, будет сразу пользоваться уважением класса. Заплачет, а не дай бог пожалуется начальству — судьба его решена. Заклюют. И клевать будут с упорством и настойчивостью хищников, без чувства меры и сожаления. В первый же день прихода в корпус, попав в 3-ю роту, я подвергся сразу же такому испытанию. Кадет Фирсов (второгодник) хватил меня по шее. На миг я обомлел, но сразу пришел в себя и хватил его в нос, так что хлынула кровь. Завязалась драка. В результате мне попало, но больше меня не трогали. Борис, как попавший в первый класс, попал в младшую 4-ю роту, но с ним было хуже. По природе тихий, слабенький, воспитывался на шоколаде и прочих деликатесах, а кроме того, слезливый, он подвергался издевательствам со стороны некоторых своих одноклассников, и мне пришлось за него заступаться. Бывало, приду к нему в класс, а он плачет. В чем дело? Оказывается, князь Мекеладзе, его же одноклассник, но высокий, крепкий грузин не дает Борису покоя. Щиплет, толкает, дразнит и т. д. Я знал, что в этих случаях никакие уговоры и убеждения не помогут, только сила в те времена импонировала и заставляла уважать. Посмотрел и слегка смутился. Мекеладзе моего роста и на вид крепкий, но у меня козырь — это то, что меня побоятся

бить, опасаясь мести за меня со стороны моего класса. Выхода нет! Нужно Мекеладзе избить, иначе Бориса заклюют. Подошел и, ни слова не говоря, хватил его по уху — тот упал. Тогда я заявил, что если он еще раз Бориса тронет, затащим его в свою роту и там избью. А также всякого, кто будет его изводить. Гордо, но не без страха вышел из класса и пошел к себе. Несколько раз приходилось расправляться за Бориса с особо навязчивыми мальчишками, но когда в достаточной степени познакомились с моими кулаками, приставание к нему кончилось. Воспитателем у нас был подполковник Сергей Николаевич Трубченинов. Мы его называли Трубачев. Милая личность, строгий, развитой и прекрасно к нам относился. Беднягу расстреляли большевики в 1918 г.¹⁴

Директором корпуса был генерал Репин¹⁵. Мы его за глаза звали «Папашкой» за его необыкновенную доброту. Вскоре после моего поступления в корпус он был назначен товарищем министра народного просвещения, а к нам был назначен генерал Григорьев¹⁶. Представительный, с брюшком и белой «скобелевской» бородой. К нему мы относились хуже за его «комбинации», как мы называли его деятельность. При нем стали кормить значительно хуже и одевать также. При отъезде на праздничные и летние каникулы хорошее обмундирование выдавалось только кадетам, уезжавшим в большие города и в столицы, прочих же снабжали старым подчищенным и починенным. Мы с братом, как жившие в провинции, конечно, получали старье. Однажды мне пришлось пережить несколько неприятных и обидных минут из-за этого.

Едучи в отпуск, я ждал пересадку на ст[анции] Козлов¹⁷. В ожидании поезда вышел побродить на перрон, надев шинель внакидку. В это время подошел какой-то служебный поезд, из которого вышел высокий генерал и за ним свита. Я остановился. При проходе генерала мимо меня я отдал ему честь. Тот подошел ко мне, спросил, какого я корпуса, осмотрел меня с ног до головы

после фактической проверки, для которой приказал полку построиться на плацу. Полк выстроился и тут же был окружен китайской бригадой, которая его разоружила. Командующий бригады от имени тупана передал, что все будут уволены и получают расчет, после чего должны немедленно оставить пределы Шандуня. Начали всходить цветочки, посеянные Нечаевым. Он не рассчитал того, что он начинал службу у тупана, когда у того в распоряжении было всего одна-две дивизии, при которых 500–600 русских стрелков имели значение как боевая сила. Теперь же, когда его армия насчитывала в своих рядах сотни тысяч, а русский отряд не увеличился, а уменьшился, значение русских свелось почти к нулю. Тупан по складу своего характера, будучи человеком, не забывающим добро, что он подчеркнул своим отношением к Меркулову, никогда не пошел бы на разоружение русских, но постоянные интриги, ссоры и дразги, царившие в отряде, ему наскучили. Тут же полк объявил забастовку. Конечно, чтоб не подавать дурного примера своей армии, он должен был принять крутые меры, что и сделал к великому позору русских.

В этот же период времени, т. е. в конце лета 1927 г., тупаном был арестован и заключен в кандалы генерал Чехов, его старый сослуживец, служивший с ним семь-восемь лет. Говорили, что Чехов был арестован по приказам генерала Макаренко в связи с хищением муки и спекуляциями на курсе денег. Около тупана была партия русофобов, которые всячески старались дискредитировать русских. Работа эта была бы впустую, тупан к русским относился прекрасно, но сами русские в лице нашего высшего командного состава, а именно старшего советника Меркулова, генерал-лейтенанта Нечаева, генерал-майоров Макаренко, Чехова и Малакена производили нескончаемые свары, интриги и доносы, забыв совершенно, что за ними стоят тысячи людей, которые в один прекрасный день могут оказаться без куска хлеба. Эти господа, увлек-

шись в погоне за первенством, совершенно не считались со средствами борьбы, чем и подорвали совершенно в глазах китайцев авторитет русских. Возможности же были широкие. Чехову пришлось после двухмесячного заключения уволиться, и вместо него был назначен генерал Мрочковский²⁵⁰ (штаб-капитан русской службы), причем дивизия бронепоездов была сведена в бригаду.

Итак, лето и осень 1927 г. мы провели в полугодном существовании. Хроническое безденежье приводило в отчаяние. Все мы стали снова мечтать о войне, где в материальном отношении было все же лучше. В первых числах октября тупан вызвал Семенова к себе и приказал один полк послать в город Дайминфу в распоряжение командующего 14-й армией генерала Сун-куй-яна²⁵¹. Оказалось, что оба полка в целом к походу не готовы вследствие нехватки конского снаряжения и амуниций, которые износились, но до сих пор не заменены новыми и не отремонтированы из-за отсутствия средств. Пришлось комбинировать. В результате кое-как экипировали сводный полк: 1-й и 2-й эскадроны моего полка и 1-я и 2-я сотни 4-го полка. Пулеметная команда тоже сводная. Я был назначен в поход. 10 октября был парад войскам, который устраивал тупан по случаю годовщины Китайской республики²⁵², и 9-го, т. е. накануне, я выступил со сводным полком в поход.

XXXVIII

Последний поход и пленение полка

Кое-как с грехом пополам оборудовали два эскадрона. Слабых лошадей оставил, заменив за счет других эскадронов. То же пришлось сделать с седлами, винтовками, шашками и пиками. Утром 10 октября 1927 г. полк выстроился во дворе против казарм. Подъехал Семенов, пожелал полку удачи, поцеловался со мной, и мы двину-

лись. Стал накрапывать дождь. На главной улице, по которой мы проходили, недалеко от нашей квартиры нас встретила жена с Мишей. Я слез с коня, еще раз попрощался, благословил их и рысью догнал полк. Дождь усилился, поднялся ветер, и мы, хлюпая по грязи, вышли из города, держа направление на север, на железнодорожный мост через Желтую реку* (верст восемь от Цинана). По мосту переправились на северный берег. Там, пройдя верст пять, я остановился на ночлег, пройдя всего в этот день верст 13–15. До Дайминфу по карте значилось около 300 верст. Как я уже говорил, из-за сокращения дачи лошади сильно отощали, и я имел в виду воспользоваться этим походом, чтоб усиленными кормами поправить конский состав и двигаться маленькими переходами, постепенно втягивая их в работу. Неизвестно, что нас ждало впереди. Нужно было быть готовым к усиленным маршам, китайцы вообще не считают с силой лошади. Нудное безденежье в Цинане всем надоело, и публика была рада походу. Настроение у всех было бодрое. Первые четыре дня я делал только по 15–16 верст. На пятый день назначили дневку. Здесь у меня заболели двое холерой; их пришлось оставить в госпитале, где они на другой день умерли. Дальше я пошел переходами по 20 с лишком верст и, пройдя $\frac{2}{3}$ пути, снова сделал дневку. Лошади заметно стали поправляться. Наконец подошли к Императорскому каналу, за которым в 15 верстах был г[ород] Дайминфу. Решил заночевать на этой стороне. Послал в видневшуюся деревню, обнесенную стеной, квартирьеров. Подойдя к ней на версту, спешился и пошел в поводу. До деревни осталось с полверсты, как вдруг там раздалось несколько выстрелов, и мои квартирьеры карьером стали выноситься из нее по направлению к полку. Подскакав, они доложили, что когда они,

оставив в одном дворе лошадей, стали пешком разбивать деревню на районы, на них набросились хун-чан-хюи с копьями и мечами. Кое-как успели вырваться, а две или три лошади остались там. Чтоб избежать столкновения, я решил собственным спокойствием подействовать на жителей и так в поводу стал приближаться к деревне, предупредив командиров эскадронов, чтоб те не позволили всадникам проявлять воинственность. Вошли в деревню. Справа и слева вдаль на перекрестной улице виднелись толпы хун-чан-хюев. Над ними реяли красные султаны копий. Оставив полк, я с переводчиком направился к правой группе и, подойдя к ним вплотную, не обращая внимания на их воинственный вид, через переводчика заявил, что буду здесь ночевать. Прошу прислать старосту, который бы отвел квартиры. Сказал, что их не боюсь и прошу меня не беспокоить, для них же будет хуже. За все взятое буду платить серебром по счетам. Чтоб самим не искать фуража и продуктов, пусть сами они доставят все мне в штаб. Повернулся и пошел к полку. Мой спокойный тон им импонировал, и они, поговорив, стали расходиться, однако оружие не клали. Я, выставив караулы на всех воротах, которые запер, стал при помощи явившегося старосты расквартировывать полк. Все обошлось мирно.

На другой день с утра по улицам снова стали ходить вооруженные хун-чан-хюи. Нужно было выступать. Зная их коварство и боясь, что после выхода из деревни они могут закрыть ворота и со стен открыть огонь по полку, будучи сами недосыгаемы, я велел взять с собой заложников и предупредил, что если по полку будет сделан хоть один выстрел, заложники будут расстреляны. Отошел за предел винтовочного выстрела и отпустил заложников. На пароме переправились через канал и в полдень пришли в Дайминфу. Квартиры для полка были заготовлены заранее, генерал знал о нашем прибытии. Наскоро переоделся и отправился в штаб явиться новому «патрону».

* *Хуанхэ* (кит. *Желтая река*) — река в Китае, одна из крупнейших рек Азии.

Меня провели в большую комнату, где я встретил человек 10–12, частью в штатском (китайском) платье, и несколько военных. Некоторые лежали с трубками опия. Сделав общий поклон, я стал искать командующего армией. Тут ко мне подошел один из них, роста выше среднего, в китайском платье, рябоватый, и подал мне руку. Стоявший возле меня штабной офицер сказал, что это и есть командующий армией. Он спросил о количестве всадников в полку. Остался очень доволен, что у меня четыре пулемета. Сказал, чтоб дня три мы отдохнули и вымылись в бане, а затем двинемся в поход. Дал мне на расходы 500 долларов, и я отправился в полк.

Здесь мы узнали, что один из генералов этой армии Ин формирует у себя русский конный полк. В настоящее время у него есть около 40 человек. Его бригада впереди. Здесь же осталось два-три человека русских, которые, узнав о приходе полка, стали ходить к нам. Мне доложили, что они переманивают людей от меня во вновь формируемый полк. Они же сообщили, что командиром назначен подполковник Иллариев, а формирование производит майор Немчинов, прекрасно владеющий китайским языком. Полк этот якобы в дальнейшем должен быть переброшен в Монголию, где поступит во владение атамана Семенова. Проверив сведение об этих «вербовщиках», я убедился в правильности доклада и приказал в случае появления этих лиц в расположении полка арестовать и доставить ко мне. В этот же день привели одного и снова доложили, что он усиленно пропагандирует среди всадников, чтоб бежали к ним. Я приказал его выпороть и предупредил, что в случае появления его вновь в расположении полка расстреляю.

На другой день было назначено выступление, и в последний момент выяснилось, что сбежал старший кузнец Смоленцев. С адъютантом я отправился в штаб, чтоб доложить об этом, прося генерала прекратить параллельное формирование, которое поведет лишь к развалу

частей. Едучи рысью, я догнал рикшу*, на которой сидел Смоленцев, направляясь в глубь города. Конечно, тут же его арестовал и отправил в полк и по возвращении хотел его предать полковому суду за дезертирство с фронта, но офицеры упросили меня помиловать его, обещая впредь строго смотреть за людьми и внушить им, что впредь за дезертирство кара будет суровая. Выступили мы на юг, сделали большой крюк, повернули на запад и подошли к городу Вый-куй-фу на Пекин-Ханькоуской железной дороге. Город этот накануне нашего подхода был взят с боя бригадой генерала Ин. Мне было приказано расположиться на станции железной дороги в версте от города. Проходя по улицам, встретил нескольких своих дезертиров, убежавших из полка летом. На вопрос, что они здесь делают, ответили, что служат у генерала Ин. Вскоре выяснилось, что Немчинов формировал свой полк за наш счет, переманивая людей, а генералу говорил, что люди вербуются в Харбине. Не хотелось обострять историю и обострять отношения с китайцами, и я плюнул на это дело.

Расположились в станционном поселке. Мы находились в тылу у противника. У станционных телефонов дежурили переводчики, которые сообщили, что с севера запросился поезд. Я велел дать ему пропуск, а сам с одним эскадроном при пулемете решил его задержать на входных стрелках, разобрав здесь путь. Вскоре поезд подошел, но был остановлен у разобранного участка красным сигналом. Оказался угольный состав, и на нем охрана противника человек около 20. Увидев нас, они открыли огонь, но нашим огнем они скоро были обращены в бегство. Вдогонку двоих-троих положили; остальные оставались и сдались. Пленных я отправил в штаб. Вскоре

* *Рикша* — повозка (чаще всего двухколесная), которую тянет за собой, взявшись за оглобли, человек (также называющийся рикшей).

из штаба прибыл ординарец с приказанием генерала при-
быть туда мне с командирами эскадронов. Там уже собра-
лось много офицеров других полков. Вышел генерал
Сун-куй-ян и объявил, что уходит из города на несколько
дней, оставляя заместителем генерала Ин, которому мы
должны подчиняться. Не зная обстановки, мы все это
приняли за чистую монету, совершенно не ожидая того,
что будет впереди. Отправились к себе в полк. Выставив
сторожевое охранение, я осмотрел местность. Ни посе-
лок, ни придорожная местность для обороны никуда
не годились. Пришло приказание один дивизион послать
в южный поселок. Такое дробление полка меня очень
не устраивало, но пришлось исполнить приказание.

Стало вечереть. Из сторожевого охранения доложили
о каком-то подозрительном скоплении людей в дере-
вухе на юго-западе. Чувствовалось по настроению
жителей, которые пытались с вещами уйти из поселка,
что нужно чего-то ожидать. Коноводов я велел поставить
за поселком. Дворы были расположены вдоль полотна
железной дороги в один ряд, имея выходы только вперед.
Я приказал во всех дворах пробить в заборах выходы
назад. Эта мера впоследствии оказалась весьма полезной.
Имея один дивизион в южном поселке, другой — на стан-
ции, я со штабом поместился в кумирне у западных ворот
западного поселка. Часов в 12 ночи я поехал с вестовым
на станцию узнать обстановку. Вследствие условий мест-
ности оказался почти весь дивизион в охранении. Я велел
командиру дивизиона майору Афанасьеву в случае
наступления противника, которое нужно ждать перед
рассветом, во избежание бесцельных потерь людей,
отойти к кумирне*. Поехал обратно в штаб. Состояние
тревожное. Хотелось уснуть — не спится. Поминутно
смотрю на часы. Стало едва светать, и в ночной тиши раз-
далось несколько выстрелов. Снова затишье. Вдруг

на всей линии сторожевки закипело. Через полчаса вдали
показался дивизион, идущий на рысях к городу. Подъ-
ехали. Спешились. Слава Богу, оказалось без потерь.
Не подошла лишь одна фланговая застава, которая,
будучи отрезана наступающим противником, взяла в сто-
рону и, сделав большой крюк, подошла лишь часа через
два-три. В это время получил донесение от командира
2-го дивизиона майора Духовского, что он ведет в южном
направлении бой с наступающим противником, силою
примерно в полк пехоты. Со стороны южного поселка
доносился ружейный и пулеметный огонь. Здесь против-
ник не ограничился занятием станции железной дороги
и стал продвигаться к городу. Пришлось оба эскадрона
рассыпать в цепи. Завязался бой и у нас на подступах
к западному поселку. Появились раненые. Был, между
прочим, ранен в ногу командир 2-го эскадрона майор
Давыдов. Судя по огню на этом участке, у противника
было не менее батальона, т. е. человек 500–600. Около
полудня было получено приказание генерала Ин взять
станцию железной дороги. Возмущенный таким абсурд-
ным приказанием, я через переводчика ответил, что
и не подумаю двинуться с места. Если ему угодно, пусть
берет сам. Через час приехал его начальник штаба и уже
в форме просьбы передал мне тоже. Ему я заявил, что
если генерал думает не сапогами, а головой, то таких при-
казов отдавать не должен. Он с 2–3 тысячами пехоты
сидит в городе и приказывает 120 человекам спешенных
всадников брать станцию, занятую, по меньшей мере,
батальоном пехоты. У меня уже около 15 человек ране-
ных. Не имею права вести людей на убой из-за прихоти
мальчишки-генерала, не знающего основ войны. Держал
я себя вызывающе, возмущенный безмерной глупостью
китайских неучей-военачальников. Нужно сказать, что
в занятии станции не было надобности, вся операция
занятия города Вый-куй-фу, вследствие того, что она
была в тылу у противника, сводилась к тому, чтоб

* *Кумирня* — языческая молельня с идолами.

с небольшим гарнизоном в две-три тысячи человек запереться в нем и притянуть на себя возможно больше сил противника за счет снятия частей с фронта.

Начальник штаба ушел и вскоре вернулся. Теперь он сообщил, что генерал Ин дает мне батальон для взятия станции, прося поддержать атакующие части на флангах. Я согласился. Вскоре прибыл сюда сам генерал с мабянами (охрана) и вслед — человек 150 солдат и офицеров, которые, собравшись в кучу, с диким криком и стрельбой полным ходом бросились к станции. Мои эскадроны были на флангах. Я был при 1-м эскадроне. Около станции был убит один человек 1-го эскадрона и тяжело ранены три пулеметчика. Перед атакой я сказал генералу, что люди устали, а лошади почти сутки без корма, а потому я прошу после занятия станции разрешить отвести людей к коноводам, чтоб дать первым отдых, а вторым — корм. Он разрешил. Заняв станцию, я ориентировал командира батальона в обстановке, указав, где выставил охранение, после чего, построив эскадроны, отправился к городу. Не доходя шагов 300–400 до города, сзади и справа услышали стрельбу — то пришедший в себя противник снова повел наступление на станцию. Здесь у меня был ранен один солдат в обе ноги. При первых же выстрелах китайцы в панике бросились со станции, оставив ее на произвол судьбы. Мы вошли в западный поселок. Здесь я снова получил приказание оборонять западный поселок.

Было часов 4–5 вечера. Я обошел окраины поселка. Фронт был длинный, до полутора верст. Видя, что добросовестным выполнением приказов я в неделю сведу полк на нет, решил воевать по-китайски. Другого выхода не было. Иначе пришлось бы ежечасно говорить и ругаться с китайцами, что отразилось бы на интересах полка. Вечером противник окружил поселок, и всю ночь мы вели с ним здесь бой. Две атаки отбили; наконец с рассветом пришлось отойти к крепости, противник, прорвав

в нескольких местах линию обороны, проник в поселок. В результате бессмысленных боев, продолжавшихся две ночи и один день, 18 человек раненых и один убитый. Духовский с дивизионом еще раньше был вытеснен из южного поселка и, пройдя через город, присоединился ко мне в западном поселке. Западные ворота крепости были закрыты. Охрана сообщила, что не приказано нас пускать. Я послал передать Ину, что если немедленно не будут открыты ворота, уйду с полком к генералу Суну. Через несколько минут полк втянулся в крепость. Это было утром 28 октября 1927 г. Ворота закрылись, и началась осада.

XXXIX

Месяц в крепости Вый-куй-фу: 28/X — 29/XI.1927 г.

Запершись в крепости, мы были в полной уверенности, что дня через три-четыре выйдем на присоединение к генералу Сун-куй-яну. Расположив полк по квартирам, я отправился в штаб к генералу Ин. Застал его лежащим с трубкой опия, который он курил буквально без перерыва. Нужно было выяснить мои обязанности в крепости, а также вопросы довольствия людей и лошадей. После вчерашних крупных разговоров с ним и с начальником штаба я ожидал сухого приема, но при моем появлении у него в комнате он встал с постели, усадил меня, предложил сигару... словом, проявил самое любезное внимание. Спросив о состоянии полка и об удобстве квартир, сказал, что вверяет мне оборону западного фаса. Три прочих должны обороняться китайцами. Я выразил желание иметь наблюдение за всеми четырьмя воротами. Ин обиделся, заявив, что это недоверие к нему. На это я ответил, что, правда, это недоверие, но не в отношении его, а в отношении войск. И спросил его, может ли он

Оглавление

Вместо предисловия	5
Книга 1. Автобиография	13
I	13
II	19
III	29
IV	43
V	56
VI. Волчья облава, 1910 г.	68
VII. Две встречи.	73
VIII.	79
IX	93
X	108
XI. Глухариный ток	119
XII	124
XIII.	131
Книга 2	135
XIV. Великий князь Михаил Александрович ...	135
XV.	138
XVI.	150
XVII.	158
XVIII.	162
XIX.	172
XX.	179
XXI.	184
XXII.	187
XXIII.	194
XXIV	201

Книга 3	205
XXV. Бои под станцией Мациевской 8/XI.1920 г.	205
XXVI. Переход границы 8/XI.1920 г.	211
XXVII. Станция Мулин КВЖД	217
XXVIII. Приезд семьи в Мулин	223
XXIX. Отъезд из Мулина 5 марта 1927 г.	233
XXX. Цинан (1926–1927 гг.)	241
XXXI. Война (1927 г.)	258
XXXII. Конная атака на пехоту	272
XXXIII. Арьергардный бой	274
XXXIV. Отход от станции Пемпу и дальше	279
XXXV. Сю-чжоу-фу и развертывание полка в бригаду	282
XXXVI. Циндаоский поход	287
XXXVII. Снова Цинан (июль — октябрь 1927 г.)	294
XXXVIII. Последний поход и пленение полка	297
XXXIX. Месяц в крепости Вый-куй-фу: 28/X — 29/XI.1927 г.	305
XL. Переезд в Тяньцзин	319
Книга 4. 1932–1933	324
XLI. Тинченское сидение	324
XLII. Ноябрь 1932 г.: по поводу смерти Чжан Цзунчана	344
XLIII. Генерал Сунь Дяньин	357
XLIV. Дневник: ноябрь 1932 — апрель 1933 г.	370
Примечания	382
Именной указатель	406

Михаил Михайлович Манжетный

**ВОСПОМИНАНИЯ
РУССКОГО ПОЛКОВНИКА
КИТАЙСКОЙ АРМИИ**

Редактор *К. А. Залесский*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Н. И. Натальина*

ООО «Кучково поле»
119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

ООО «Издательский центр «Воевода»
127543, ул. Лескова, д. 13А, пом. 3П
E-mail: liv.knig@yandex.ru

Подписано в печать 14.10.2019.
Формат 125 х 200. Печ. л. 13.
Тираж 1000 экз.

По вопросам приобретения обращайтесь
в отдел продаж: e-mail: sales@kpole.ru
Тел.: (495) 256 04 56 доб. 1

ISBN 978-5-9950-0985-6

